

Конференция по разоружению

30 June 2009

Russian

Окончательный отчет об одна тысяча сто сорок пятом пленарном заседании,
состоявшемся во Дворце Наций, в Женеве, во вторник, 30 июня 2009 года, в 10 ч. 15 м.

Председатель: г-жа Каролин Миллар (Австралия)

Председатель (*говорит по-английски*): 1145-е пленарное заседание Конференции по разоружению объявляю открытым.

Для Австралии большая честь принять председательство на Конференции, особенно в этот важный момент, когда мы согласовали сбалансированную программу работы. Я хочу поблагодарить моих предшественников в 2009 году: посла Вьетнама Чунга, посла Зимбабве Чипазиву, посла Алжира Джазайри и посла Аргентины Моритана. Их превосходные усилия и привели нас туда, где мы находимся сегодня.

Позвольте мне самым теплым образом приветствовать весьма уважаемого члена австралийской делегации г-на Гарета Эванса. Г-н Эванс имеет впечатляющий послужной список, и в том числе как один из старейших и весьма динамичных австралийских министров иностранных дел, и он органично связан с летописью причастности Австралии к ядерному разоружению.

Как министр иностранных дел г-н Эванс сыграл инструментальную роль в довершении Конвенции по химическому оружию и становлении Канберрской комиссии по ликвидации ядерного оружия.

В настоящее время г-н Эванс вместе с бывшим японским министром иностранных дел Йорико Кавагути сопредседательствует в Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению. Комиссия является совместной инициативой австралийского и японского правительств, которая нацелена на усиление международных усилий в отношении как ядерного нераспространения, так и ядерного разоружения в контексте и Конференции 2010 года по рассмотрению действия Договора о ядерном нераспространении и впоследствии.

Г-н Эванс выступит на Конференции по вопросу об уже проделанной работе Комиссии. Эта работа охватывает весь комплекс предметных проблем, заботящих членов Конференции по разоружению, как отражено в нашей программе работы.

Я намерена после заявлений г-на Эванса и любой другой делегации, которая пожелает взять слово, перейти в режим неофициального заседания, в ходе которого г-н Эванс согласился ответить на любые вопросы, которые могут возникнуть у вас в связи с работой Комиссии. А потом я вновь кратко созову официальное заседание, чтобы уладить кое-какие административные вопросы.

Г-н Эванс, вам слово.

Г-н Эванс (Австралия) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, как один из весьма уважаемых австралийских дипломатов вы вполне заслуживаете большой чести выполнять обязанности Председателя этой ассамблеи.

Я, вероятно, лишь один из нескольких человек во всем мире, которые помнят, когда Конференция по разоружению действительно была органом, который реально достигал существенных результатов. Австралия была очень активно причастна, как, быть может, припоминают некоторые из вас, к выходу в финал заключительного розыгрыша в связи с Конвенцией по химическому оружию, и я отталкиваюсь от рабочего тезиса на тот счет, что в этом учреждении нет ничего неладного; это учреждение вполне способно поистине давать весьма предметные результаты. Единственные трудности являют собой знакомые трудности, сопряженные с политической волей и динамизмом, которые лежат в основе способности здешних дипломатов добиваться успехов в работе, делать которую они сюда приехали. Так что я исхожу из посылки реального доверия к способности Конференции трансформировать свою рабочую программу

в реальные результаты, и я желаю ей успехов в тех дискуссиях, которые, как все мы надеемся, начнутся скорее раньше, чем позже.

Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению стремится способствовать работе Конференции и другой работе в этой сфере во всем мире. Что мы хотим сделать больше всего, так это, в двух словах, повысить энергетический заряд политических дискуссий высокого уровня относительно всех этих взаимосвязанных проблем и внести их в повестку дня на систематической и последовательной основе – таким образом, как это просто-напросто не делалось на протяжении последних 10 лет или около того, когда, и я думаю, что все мы склонны это признать, мы как международное сообщество страдали лунатизмом по целому ряду заботящих нас проблем.

Уместный вопрос, который следует задать уже с самого начала относительно такого рода комиссии – и именно этот вопрос я и задал, – состоит вот в чем: какова же в принципе добавленная стоимость еще одной группы высокого уровня в составе больших и добропорядочных людей, собравшихся вместе для работы над этого рода проблемами? Что мы можем сделать такого, чего не было сделано раньше Канберрской комиссией по ликвидации ядерного оружия, Комиссией по оружию массового уничтожения во главе с Хансом Бликсом, Токийским форумом по ядерному нераспространению и разоружению, Комиссией видных деятелей во главе с бывшим президентом Мексики Эрнесто Седильо и всеми другими такими группами?

Как мне думается, ответы на этот вопрос являются, пожалуй, наилучшим способом посвятить вас в работу Комиссии. Во-первых, в ракурсе добавленной стоимости следует упомянуть своевременность этого предприятия, тогда как в прошлом, пожалуй, возникало ощущение, что все эти коллегии и комиссии просто пытались противостоять приливу безразличия по отношению к этим темам. Ну а теперь, как мне думается, у всех у нас такое чувство, будто мы оседлали волну, и не в последнюю очередь в связи с тем, что новая администрация Соединенных Штатов занимает гораздо более перспективный подход к продвижению по этим проблемам. И это уже получило отражение в решении самой Конференции по разоружению, быстром согласии Подготовительного комитета обзорной Конференции по ДНЯО о программе работы на следующий год, начале переговоров между Соединенными Штатами и Российской Федерацией о сокращениях стратегических вооружений, да и вообще просто в ощущении того, что тут что-то начинает происходить. И я считаю очень важным, что эта Комиссия работает в такой атмосфере динамизма, потому что это позволит нам изменить положение дел в большей мере, чем это могло бы быть в противном случае.

Второй фактор, способствующий нашей ценности, как мне думается, будет сопряжен с репрезентативным характером Комиссии, хотя формально она и была учреждена как инициатива двух правительств – Австралии и Японии, которые поддерживают это предприятие своими ресурсами. Эта Комиссия носит независимый характер и никоим образом не представляет якобы мнения правительств, члены которых в ней участвуют, и она очень широко репрезентативна. Мы имеем все государства, обладающие ядерным оружием, по ДНЯО; мы имеем также Индию и Пакистан; и у нас и в глобальном и в региональном ракурсе имеется очень хороший поперечный срез ключевых государств, не обладающих (ядерным) оружием, и тех, кто находится вне системы по иным причинам.

Помимо этого, в ракурсе самой Комиссии у нас имеется очень достойный консультативный совет, в состав членов которого входит и наш здешний арген-

тинский коллега-посол. С ней ассоциирован ряд исследовательских центров со всего мира из семи или восьми крупных стран, которые приносят в работу Комиссии стабильный поток исследований и материалов. И она имеет весьма всеобъемлющую информационно-разъяснительную программу. Мы уже собирались в рамках региональных консультативных сессий для Латинской Америки – в Сантьяго и для Северо-Восточной Азии – в Пекине, а в ближайшем будущем такие сессии планируются для Южной Азии – совещание в Нью-Дели и для Ближнего Востока – совещание в Каире.

Так что имеет место серьезная попытка свести воедино все наличествующие течения общественного мнения и отразить их не только в членском составе Комиссии, но и в программе работы и ресурсах, сопряженных с Комиссией.

Третьим элементом, который обеспечивает полезность этого предприятия, является намечаемая всеохватность продукта. Если оглянуться назад и посмотреть ряд докладов комиссий в прошлом, то они тяготели к тому, чтобы фокусироваться либо на разоруженческой проблеме самой по себе, либо на нераспространенческой проблеме самой по себе, либо же на институциональных проблемах, сопряженных, например, с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), вместо того чтобы свести воедино самым систематическим и равно сбалансированным образом наши озабоченности по поводу разоружения, озабоченности по поводу нераспространения и озабоченности по поводу перспектив мирного использования ядерной энергии (и не только в контексте гражданской энергетики как распространенческого риска, но и в качестве крупной проблемы политики как таковой). И как я надеюсь, вы увидите, что в докладе Комиссии поистине беспристрастно и вдумчиво уделяется внимание всему комплексу этих проблем с большим акцентом, разумеется, на взаимосвязи между ними.

Четвертый элемент, который, как я поистине думаю, повысит ценность работы Комиссии, заключается в том, что мы намерены весьма реалистично подходить к своей задаче: определенно увязывать нашу работу с идеализмом и целью мира, свободного от ядерного оружия, но и сочетать идеализм с большой мерой прагматизма, отражающего реальности окружающего нас мира, где есть много геополитических факторов, которые затрудняют достижение в краткосрочной, среднесрочной и даже долгосрочной перспективе кое-каких вещей, которые нам хотелось бы видеть по веским причинам, сопряженным с присущим людям чувством собственной безопасности и безопасности непосредственно окружающего их мира. Мы должны весьма и весьма осознавать эти реальности применительно ко всем ключевым субъектам, которых мы намерены призывать к действию. Мы должны испытывать по отношению к ним чувство эмпатии, понимать те обстоятельства, в которых они оказываются, и не считать дело сделанным просто артикулируя ряд высокопарных политических изречений вкупе с некоторым вниманием к техническим проблемам проверки и так далее и при этом считая, что мы чего-то добились. Это делалось и раньше. И вот что мы должны делать, так это строить свою работу в соответствии с реальностями тамошнего мира, который все вы представляете.

Кроме того, в русле подхода, который мы принимаем, как мне думается, очень важно, чтобы наш доклад был удобочитаемым и доступным для специалистов. Я думаю, что большинство из нас признали бы, что очень уж часто многие писания в этой сфере, вклады в публичную дискуссию со стороны комиссий и других составлялись специалистами для других специалистов с использованием терминологии и исходя из такого уровня понимания фундамен-

тальных технических проблем, какого, откровенно говоря, просто-напросто нет у самых высокопоставленных политиков и тех, кто будет принимать ключевые решения в наших соответствующих правительствах. Мы должны быть гораздо более восприимчивыми, чем в прошлом, к необходимости сообщать все то, что мы говорим, четко, эффективно и таким образом, чтобы действительно получить отклик. Если мы хотим придать энергетический заряд дебатам на высоком уровне, то нам надо произвести продукт, который будет действительно прочитан и понят игроками высокого уровня.

Ну и наконец, я хочу сказать, что добавленная стоимость Комиссии состоит в том, что она подготовит не просто ряд рекомендаций, которые будут автономно фигурировать в своих областях, а доклад, который будет сугубо ориентирован на конкретные действия, привлекая внимание к тому, каким образом проблемы соотносятся между собой, и попытавшись идентифицировать весьма четкий план действий на тот счет, кто что и когда должен делать и как состыкуются все эти вещи. Ну а поскольку тут идет речь не об аналитическом предприятии, а о плане действий, мы определенно сопроводим эти выкладки нашего доклада программой весьма целенаправленной пропаганды, охватывающей все ключевые учреждения во всех ключевых странах с целью обеспечить, чтобы наше послание и конкретный план, который мы предлагаем, были хорошо поняты.

В настоящее время намерение в плане хронологии этого мероприятия состоит в том, чтобы основной доклад Комиссии был опубликован к концу этого года или в самом начале следующего года. Комиссия уже собиралась три раза – в Вашингтоне, Москве и Австралии, а в октябре соберется вновь в Японии для детальной проработки нашего доклада. И хотелось бы надеяться, что довольно скоро после этого мы сможем подготовить окончательный документ, который будет широко доступен. Это достаточно амбициозное обязательство, потому что тут еще предстоит пройти большой путь, но мы знаем, что если мы хотим оказать хоть какое-то влияние на то, как разворачиваются дебаты, в частности применительно к обзорной Конференции по ДНЯО в предстоящем мае, то мы должны выпустить в публичный домен все то, что мы хотим сказать, и лучше раньше, чем позже.

Что же до существа того, что мы будем собственно предлагать, то говорить об этом было бы, очевидно, несколько преждевременно, потому что Комиссия еще не достигла согласия по всем своим программным позициям. Мы определенно не достигли согласия по формулировкам. Но, как мне думается, я могу сказать вот что. Прежде всего мы будем оценивать и анализировать риски, как мы их видим в увязке с четырьмя конкретными областями. Во-первых, риски, сопряженные с существующими государствами, обладающими ядерным оружием, и с оружием, которым они обладают; риск его применения, будь то намеренно или случайно, нечаянно или по просчету, и последствия такого ненадлежащего применения. Во-вторых, как вы, наверное, и ожидаете, мы будем разбирать все риски, сопряженные с пополнением числа государств, обладающих ядерным оружием, т.е. проблему распространения. В-третьих, мы будем разбирать конкретную проблему терроризма и применения ядерных устройств, в особенности, негосударственными субъектами, равно как и мотивации террористов. И в-четвертых, мы сфокусируемся на риске, с которым, как можно было бы подумать, сопряжено ожидаемое быстрое расширение гражданской ядерной энергетики в предстоящие несколько десятилетий – так называемый "ренессанс": и тут очень большую часть нашего доклада займут так называемые "три S" – проблемы безопасности и, в особенности, защищенность и гарантии. Мы, наверное, пожелаем затронуть и другие проблемы индустриального свой-

ства, как например возможности эволюции технологий, устойчивых к распространению, и нуждается ли это во вмешательстве при правительственной поддержке, или же, чтобы генерировать это, мы можем полагаться просто на коммерческую динамику; и мы, конечно же, посмотрим роль промышленности в контексте больших дебатов о переводе топливного цикла на многостороннюю основу или, по крайней мере, о создании больших возможностей, чем мы имеем в данный момент, для перевода на многостороннюю основу его начального и конечного звена. Я больше не стану распространяться о его гражданском измерении, но разбирательство этих проблем станет важной частью нашего доклада.

У нас, как я ожидаю, весь доклад будет пронизан ощущением фундаментальных, основополагающих рисков, сопряженных с самим существованием ядерного оружия. Нам надо будет совладать с весьма реальным чувством благодушия, – которое, как мне думается, знакомо большинству из нас у нашей более широкой общественности и, конечно же, у многих из наших правительств, – что, дескать, вся эта проблема ядерного нераспространения – разоружения не так уж и велика, с настроением – и это очень знакомое настроение, – что "да, есть проблемы в Исламской Республике Иран и Корейской Народно-Демократической Республике, и есть и другие проблемы подобного рода, но, быть может, общие риски, сопряженные с продолжающимся существованием ядерного оружия очень уж раздуты".

Как мне думается в этом контексте, мотивировка нашей Комиссии будет очень во многом перекликаться с ключевым тезисом, зародившимся в Канберрской комиссии еще в 1996 году, и там будет иметь место четкий элемент преемственности между тем, что говорим мы, и тем, что было изначально и очень веско сказано тогда. И это, как вы, наверное, помните, гласило: "пока любое государство обладает ядерным оружием, его захотят иметь и другие; пока любое государство имеет ядерное оружие, оно будет в один прекрасный день непременно применено – если не преднамеренно, то случайно или нечаянно; и любое такое применение, кем бы то ни было и в любое время, будет сопряжено с катастрофическими последствиями для нашей планеты". Мы порой игнорируем ключевые элементы этого тезиса, а ведь они должны составлять сердцевину того, что мы говорим. Аналогичным образом обстоит дело и со всей теорией ядерного сдерживания. Мы собираемся заняться этим вплотную, ибо в ряде государственных структур явно прослеживается широко распространенное настроение, что ядерное сдерживание работало в прошлом и может продолжать работать и в будущем, и не только чтобы сдерживать применение ядерного оружия, но и чтобы помогать сдерживать другие формы угрозы – и от конвенциональных или от других видов оружия массового уничтожения. Очевидно, что очень трудно добиться всякого прогресса в русле мира, свободного от ядерного оружия, если такие настроения будут превалировать и впредь, и вот в Комиссии нам и придется очень прямо и сознательно затронуть действительно весьма чувствительный комплекс проблем, которые составляют сердцевину теории сдерживания и политики сдерживания.

Как мне думается, краткий тезис, который я бы высказал изначально, состоит вот в чем: каким бы истинным ни был – хотя это и спорно – постулат о том, что ядерное оружие имело какую-то полезность в прошлом, это само по себе не может быть каким-то резонансом – даже если принять этот аргумент – для благодушия в отношении будущего, потому что чудовищная реальность состоит в том, что одно лишь только ядерное оружие в арсенале людской технологии способно причинить такие катастрофические разрушения. Мы просто не можем принять, в частности в условиях когда в мире все больше растет число государств, обладающих ядерным оружием, чтобы всякого рода стабильность, кото-

рая могла бы существовать в прошлом, продолжалась и в будущем. Но все это нужно будет продумать и детально проработать, ибо с этим сопряжены весьма чувствительные проблемы, и государства имеют на них разные воззрения.

Что же до воплощения всего этого в своего рода план действий, то позвольте мне сказать, что, по нашему разумению, – опять же в той степени, в какой я могу изложить на данном этапе с пользой для дела, – то тут следует сосредоточиться на трех этапах: краткосрочная, среднесрочная и долгосрочная перспектива. Краткосрочную перспективу мы определяем вплоть до 2012 года – более продолжительный период, чем период между данным моментом и майской обзорной Конференцией, поскольку тут есть ряд проблем, которые имеют более высокий уровень неотложности и важности, но которые реалистично не будут доведены до серьезной реализации уже к следующему маю, хотя мы все же хотим придать задаче их осуществления поистине неотложный характер. Что касается среднесрочной перспективы, то мы склонны доводить ее примерно до 2025 года, а долгосрочную перспективу – еще дальше.

В краткосрочном плане фигурирует следующее: во-первых, обеспечение успешного исхода обзорной Конференции по ДНЯО в следующем году – в этом должна состоять непосредственная краткосрочная цель для всех нас. В этом смысле, как я считаю, Комиссия признает наличие двух основных субкомплексов рекомендаций, которым надо будет придать весомый характер. Во-первых, это знакомый набор рекомендаций, которые, как я уверен, Комиссия пожелает принять, одобрить, отшлифовать и артикулировать, – насчет укрепления собственно ДНЯО в свете всего того, что мы узнали о его слабых местах в последние годы, а это означает улаживание проблем гарантий, проверки, всего вопроса о дополнительном протоколе, а быть может, и необходимость чего-то такого, что выходило бы за рамки дополнительного протокола. Нам нужно будет уладить проблему соблюдения и правоприменения, а также вопрос о большей опоре на Совет Безопасности как правоприменительный механизм. Нам надо будет разобрать, в особенности, институциональный вопрос о роли МАГАТЭ, равно как и других соответствующих учреждений, когда речь заходит о развитии эффективного функционирования ДНЯО в режиме их взаимодействия.

Помимо этого, второй комплекс рекомендаций, который мы считаем необходимым, будет нацелен на реактивизацию и реартикуляцию, а быть может, и перекомпоновку знаменитых "13 практических шагов" 2000 года, которые, к сожалению, исчезли в ходе дебатов на последней обзорной Конференции в 2005 году.

Комиссия считает очень важным, что некоторые из ключевых обертонов многих шагов все еще актуальны, и формулировки в конце концов были согласованы в прошлом. Мы считаем очень важным, чтобы они были реартикулированы таким образом, что придать новый энергетический заряд и динамику, в особенности, разоруженческому измерению ДНЯО и сформировать фундаментальную доктринальную структуру, на которой можно было бы основывать наш будущий прогресс. Мы также считаем желательным, чтобы этот набор рекомендаций или резолюций был сконструирован таким образом, чтобы они могли рассчитывать на последующее принятие государствами, обладающими ядерными оружием, которые стоят вне ДНЯО, и чтобы те тоже подписались под чем-то таким, что можно было бы квалифицировать как новый международный ядерный консенсус. Быть может, это и амбициозная цель, но мы наверняка обследуем ее в рамках Комиссии.

Ну и есть и третья проблема, которая явно всплывет на обзорной Конференции и которая уже стала предметом немалых дебатов еще на обзорной Кон-

ференции 1995 года, а именно проблема Ближнего Востока. Эта проблема по-прежнему занимает рельефное, центральное место в политических дебатах, и всем нам надлежит признать это, и нам надо попытаться найти такой способ трактовки этой проблемы, который не блокировал бы эффективность Конференции.

Но все это – лишь часть краткосрочной повестки дня: в предстоящие четыре года надо будет затронуть и ряд других элементов. Я бы упомянул очевидную необходимость для всех нас весьма усердно работать над нахождением в этот период решения ближайших проблем в отношении Исламской Республики Иран и Корейской Народно-Демократической Республики, и постараться устранить источники тревоги, которые существуют в настоящее время по поводу намерений Ирана, и уладить весьма прискорбную ситуацию, которая в настоящее время получила развитие и эскалацию в связи с Корейской Народно-Демократической Республикой.

Еще один элемент, на котором надо реально сосредоточиться в краткосрочном плане, будет состоять в том, чтобы увидеть крупный прогресс на двусторонних переговорах между Соединенными Штатами и Российской Федерацией о сокращении вооружений, начиная с того, что, как все мы надеемся, дискуссии, которые проходят прямо сейчас, обернутся доводкой Договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ). Ну и между тем ясно, что, поскольку эти две страны имеют между собой что-то около 95 процентов мирового арсенала, насчитывающего примерно 27 000 ядерных боеголовок, есть реальная необходимость в том, – если мы всерьез настроены на достижение прогресса в сфере разоружения, – чтобы этот двусторонний процесс прошел гораздо больше шагов, чем собственно те шаги, которые предусматриваются сейчас.

В этих краткосрочных рамках – в предстоящие четыре года – есть также необходимость начать серьезный процесс перевода разоруженческой стратегии на многостороннюю основу: первоначально посредством крупных стратегических диалогов между Соединенными Штатами и Китаем и за счет вовлечения других государств, обладающих ядерным оружием, и других государств, обладающих ядерным оружием, которые стоят вне ДНЯО. В какой форме может лучше всего проходить многосторонний процесс и когда можно реалистично надеяться на своего рода серьезную вовлеченность со стороны субъектов, чьи арсеналы в количественном отношении гораздо ниже, чем у "большой двойки", – это предмет для обсуждения. Пока же я просто говорю, что мы считаем весьма важным обрести ощущение динамики на этом конкретном направлении, а не просто говорить, что сокращения со стороны "большой двойки" до весьма низких уровней или до уровней, соизмеримых с уровнями других стран, – это то, чего нам придется дожидаться, прежде чем произойдет что-то еще.

В рамках краткосрочного периода есть и еще две остающиеся крупные задачи. Одна такая крупная задача состоит в том, чтобы ввести наконец в силу и действие Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Мы все надеемся, что события в Соединенных Штатах приведут к переменам в умонастроениях в сенате Соединенных Штатов, а это, в свою очередь, окажет влияние на другие страны, которые в настоящее время застыли с окончательной ратификацией, тогда как их ратификация требуется для вступления в силу. И я надеюсь, что в этой сфере ряд стран, представленных здесь, которые еще не приняли этот шаг, будут готовы подумать о том, чтобы сделать это, и не просто в качестве реакции на другие события, а в порядке инициативы, которую они сами могут предпринять, дабы вселить уверенность и динамику в весь этот

процесс. Такую дискуссию я уже имел с парой здешних делегатов, с тех пор как я приехал вчера.

Другая остающаяся проблема в рамках краткосрочной перспективы является собой еще один крупный строительный блок как для нераспространения, так и для разоружения, и это прямо соотносится с работой данной Конференции: речь идет о договоре о запрещении производства расщепляющегося материала. Здешние делегаты очень хорошо знают проблемы – да и сложность проблем, но я просто хочу подчеркнуть, в какой мере взоры всего мира поистине обращены сейчас к Женеве, обращены к этому залу, этому форуму вкупе с большой надеждой и большой уверенностью в том, что будет действительно достигнут прогресс. Комиссия, безусловно, присовокупит свой голос к этому упованию и, хотелось бы надеяться, анализу некоторых проблем, – включая и такие трудные проблемы, как обращение с запасами, – которые в предстоящий период сделают такие переговоры весьма трудным делом. Но нам определенно хотелось бы увидеть в предстоящие четыре года если не завершение, – что было бы идеально, – то по крайней мере крупный прогресс в этом отношении, и мы полагаем, что это стало бы крупным фактором укрепления доверия применительно к международной системе в целом.

В контексте договора о запрещении производства расщепляющегося материала я должен сказать, что Комиссия – моя коллега-сопредседательница Йорико Кавагути, с кем мне доводится очень много работать, и другие члены Комиссии – очень четко понимает, что этот договор не является единственным пунктом в рабочем плане Конференции и что есть и другие ключевые проблемы, которые носят рельефный характер и имеют большое значение: вся проблематика негативных гарантий безопасности; проблема космического пространства; и более широкий контекст, в котором будет фигурировать ядерное разоружение, да и, если уж на то пошло, кое-какие из проблем всеобщего и полного разоружения, потому что все мы в Комиссии стали остро сознавать неизменную рельефность обычных вооружений и дисбалансов в плане влияния на ядерные дебаты. Реальную значимость и реальную актуальность имеют и все другие пункты рабочего плана Конференции, и мы в Комиссии определенно считаем, что эти проблемы поистине следует воспринимать очень серьезно, даже если мы и не фокусируемся конкретно на всех из них в своем докладе, который будет акцентирован на переговорах по ДЗПРМ. Но определенно с точки зрения соответствующих предметных проблем и их соотношения друг с другом все они имеют большое значение, и вы можете рассчитывать, что наша Комиссию внесет тут ясность.

С точки зрения среднесрочной перспективы, – а в этом отношении мы имеем в виду 2025 год, – задача, очевидно, состоит в том, чтобы реализовать все остальные нераспространенческие цели, которые мы не оказались в состоянии реализовать в первоначальных краткосрочных хронологических рамках, да и достичь крупного прогресса в разоруженческом ракурсе. Мы рассматриваем как определяющий фактор среднесрочной перспективы в этом отношении цель достижения к определенному сроку – 2025 году – кардинального сокращения общих количеств ядерных боеголовок, как развернутых, так и припасенных, как стратегических, так и тактических, до самых низких отметок, исчисляющихся, как хотелось бы надеяться, самое большее сотнями. Мы рассматриваем в качестве цели не только сокращение количественных параметров, но и максимально возможное сокращение развертывания такого оружия и снижение степени его готовности. Мы также считаем колоссально важным, чтобы это сопровождалось универсальным признанием доктрины на тот счет, что единственной целью такого оружия, как оно таки существует в этой минимальной форме, долж-

но быть сдерживание применения такого оружия против того или иного государства или его союзников. И если мы сможем достичь мира, в котором количественные параметры весьма низки, развертывание носит минимальный, а то и нулевой уровень, готовность носит минимальный, а то и нулевой уровень, и каждый подписался под доктриной такого рода и организует свои военные ресурсы таким образом, чтобы это на деле отражало такую доктрину, то мне думается, что все мы признали бы, что мы жили бы в гораздо более лучшем и безопасном мире, чем мир, в котором мы обитаем в данный момент.

Но дело на этом, конечно, не заканчивается. Есть и более долгосрочная перспектива. Мы, Комиссия, не склонны увязывать ее с какой-то датой просто по причине значительной неопределенности непредвиденных обстоятельств и условий, но тут речь идет о переходе в конечном счете к нулю – от весьма низких количественных параметров к собственно глобальному нулю. Мы, Комиссия, хотим быть достаточно точными в плане артикуляции того, в чем же именно состоят такие условия. Мы не думаем, что тут достаточно просто сказать, что "тут речь идет о вершине горы, так что давайте по крайней мере доберемся до подножия горы, а уж потом поработаем над тем, как вскарабкаться на вершину". Теперь мы, международное сообщество, должны понять, в чем состоят и будут состоять ограничения и трудности, и работать над их преодолением. Некоторые из них носят технический характер: обеспечение эффективного положения в отношении проверки и предоставление эффективной гарантии против выхода любого государства из глобальной нулевой ситуации. Но они и очень явно носят геополитический характер, и тут приходится считаться с тем, как мир устривает свои дела, какую уверенность имеют страны в стабильности у себя по соседству и какую уверенность они имеют в общей стратегической обстановке и в своем месте в ней. И мы, Комиссия, и хотим как можно точнее определить, какие же изменения должны произойти в этих направлениях, чтобы действительно прийти туда, где мы реально хотим быть.

Вот так в общих чертах состыковываются все детали. У нас в докладе будет гораздо больше детализации, равно как и, надеюсь, гораздо больше анализа и больше аргументации, а не просто выложенных рецептов, и я надеюсь, что это будет скомпоновано вместе и выражено удобочитаемым и доступным образом.

Наконец, все это будет пронизано лейтмотивом на тот счет, что тут, как и в любой другой сфере международной и отечественной публичной политики, нам нужна инъекция политической воли, и нам нужно поддерживать эту политическую волю в предстоящей длительной перспективе. Мы должны создать обстановку, в которой каждый серьезно воспринимал бы эти цели и каждый серьезно относился бы к созданию всех строительных блоков на этом маршруте. Нам надо отходить от обстановки, в которой мы пребываем и в которой, откровенно говоря, глядя на поведение крупных государств или тех, кому вменено в обязанность представлять их на ряде форумов, занимающихся этими проблемами, квалификация серьезность не относится к числу характеристик, которые быстрее всего приходят на ум. Чтобы добиться такого чувства серьезности, чтобы добиться чувства неуклонной приверженности, реально потребуются ряд вещей на политическом направлении. Это определено потребует устойчивого лидерства со стороны тех стран, которые в данный момент являются крупнейшим источником озабоченности по причине самой весомости их ядерных арсеналов, – Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации. Лидерство этих двух имеет кардинально важное значение. Но свою роль должны играть и другие государства, обладающие ядерным оружием, по ДНЯО и другие государства, обладающие ядерным оружием, которые стоят вне его, да, собственно,

и все остальные. Динамика должна развиваться не только в нисходящем направлении, но и исходить от группового нажима, подобного тому, какой может очень эффективно применяться по линии таких многосторонних форумов, как этот. И, разумеется, нажим должен в какой-то мере идти и в восходящем направлении, со стороны гражданского общества: за счет мобилизации этих источников действий и приверженности в наших соответствующих сообществах, которые заставляют правительства практиковать сфокусированность, честность и ангажированность по этим вопросам. Одной из задач, и, вероятно, самой трудной из всех, которые поставила перед собой эта Комиссия, является поиск путей поддержания политической энергии.

Как видите, мы намечаем себе достаточно амбициозную повестку дня, и мы так надеемся, что в рамках того, что мы делаем, мы сможем переменить ситуацию. Мы, Комиссия, колоссально ценим готовность консультироваться с нами и ту степень внимания и интереса, какую уже генерировала наша работа. Мы с моей коллегой-сопредседательницей из Японии и другими моими коллегами по Комиссии весьма стремимся поддерживать в предстоящие месяцы консультативные взаимоотношения по этой проблематике со всеми заинтересованными субъектами, включая и данный конкретный форум здесь, в Женеве.

Председатель (*говорит по-английски*): Большое спасибо, г-н Эванс, за очень информативный брифинг о работе этой очень важной Комиссии, и, мы надеемся, что, по мере нашего продвижения вперед на Конференции по разоружению, некоторые идеи и предложения, исходящие от Комиссии, позволят информационно подкрепить нашу предметную работу.

В списке выступающих на сегодняшнем официальном пленарном заседании у меня есть еще один оратор. Я хотела бы предоставить слово уважаемому послу Японии Суде.

Г-н Суда (Япония) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, я уже брал слово на Конференции на прошлой неделе, чтобы сделать пару коротких выступлений, но я не воспользоваться этой возможностью, чтобы должным образом выступить на Конференции в качестве нового члена. Так что позвольте мне вначале выразить вам, посол Миллар, мои поздравления с принятием председательства на Конференции по разоружению, и позвольте мне заверить вас в полном сотрудничестве моей делегации. Я должен также добавить слова благодарности вашим уважаемым предшественникам по П-6 за их выдающиеся усилия по выводу Конференции из ее затора в русло предметной работы. В частности, я хочу поблагодарить последнего Председателя посла Аргентины Моритана за его огромные усилия с целью проложить нам путь к началу реальной работы и за любезное представление меня Конференции 11 июня. Я также хочу поблагодарить Генерального директора Отделения Организации Объединенных Наций в Женеве Сергея Орджоникидзе и членов Конференции за теплый прием меня в Женеве.

Я попросил сегодня слово, чтобы выразить глубокую благодарность моей делегации сопредседательствующему вместе с г-жой Йорико Кавагути в Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению г-ну Гарету Эвансу за его своевременный и всеобъемлющий брифинг об интенсивной работе Комиссии, начало которой совместно положили в прошлом году премьер-министры Японии и Австралии. Моя делегация считает, что его сегодняшняя презентация уже дала нам массу полезных идей и ободрения, которые будут подпитывать переговоры по договору о запрещении производства расщепляющегося материала и другие дискуссии, которые должны начаться согласно решению в CD/1864.

Япония, как единственная страна, пострадавшая от атомных бомбардировок, последовательно придерживается трех неядерных принципов и демонстрирует твердую решимость в плане достижения полной ликвидации ядерного оружия. Каждый год мы представляем Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций резолюцию о полной ликвидации ядерного оружия, которая получает подавляющую поддержку среди государств-членов. Мы активно поощряем вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Япония более 30 лет добросовестно осуществляет свое соглашение о гарантиях с МАГАТЭ и в полной мере обеспечивает международное доверие к ее мирному использованию ядерной энергии. Более того, исходя из своего опыта, мы поощряем разоруженческое и нераспространенческое просвещение для гражданского общества, и особенно для более молодого поколения. На этом фоне в апреле этого года министр иностранных дел Японии г-н Хирофуми Накасонэ представил 11 реперов, которые охватывают три фундаментальные сферы для достижения глобального ядерного разоружения, и объявил японский план принять у себя в следующем году международную конференцию по ядерному разоружению.

Мы уверены, что Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению укрепит недавние позитивные веяния в сфере ядерного разоружения, и мы ожидаем, что она представит весьма полезный доклад после завершения своих дискуссий на заключительном заседании в Хиросиме, которое запланировано в октябре с.г. Мы твердо надеемся, что итоги работы Комиссии будут способствовать успеху обзорной Конференции 2010 года по ДНЯО в ближайшей перспективе и значительному прогрессу в глобальных усилиях по достижению мира, свободного от ядерного оружия, – в будущем.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Японии за его заявление и за добрые слова в адрес Председателя. А сейчас слово имеет представитель Малайзии.

Г-н Азрил (Малайзия) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, прежде всего позвольте мне поздравить вас с принятием председательства на Конференции по разоружению. Нам поистине почетно, что работу Конференции возглавляет Австралия. Реноме Австралии в сфере контроля над оружием массового уничтожения и над обычными вооружениями хорошо известно. Мы приветствуем актуализации о работе, произведенные бывшим министром иностранных дел Гаретом Эвансом в качестве сопредседателя Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению. Мы побуждаем вас продолжать консультации в поисках консенсуса, в связи с чем мы приветствуем вашего предшественника посла Аргентины Моритана, который доблестно и стойко вел их до самого конца. Перед нами лежат плоды его неустанных усилий – отражения упований в этом зале на начало предметной работы, что воплощено в форме проектов решений CD/1866 и CD/1867.

Малайзийскую делегацию обнадеживает, что проект решения CD/1866 успешно намечает в практическом ракурсе график деятельности в отношении заседаний четырех рабочих групп и специальных координаторов и отличается необходимым балансом. Мы рассматриваем CD/1866 как необходимый рецепт, который позволил бы Конференции начать предметную работу – "подготовительную работу", – такую как дискуссии по мандатам, кругу ведения, будущему графику и другим темам. Учитывая ограниченность остающегося времени, CD/1866 позволил бы нам начать практическую работу в этом году и облегчил бы дальнейшую работу в следующем году.

Ну и потом моя делегация рада, что CD/1867 отражает справедливое географическое распределение в назначении председателей и специальных координаторов. В этом отношении мы выражаем признательность тем делегациям, которые выступили в качестве потенциальных кандидатов, чтобы возглавить четыре рабочие группы, а также выполнять задачи трех специальных координаторов, как отражено в проекте решения CD/1867. Малайзия убеждена, что оба проекта решений, CD/1866 и CD/1867, являются работоспособными средствами для продвижения вперед, и полностью поддерживает их.

Мы взяли один барьер – принятие программы работы, как отражено в CD/1864. Мы доказали международному сообществу, что после 11-летнего застоя достижение такого успеха является трудной, но не невозможной задачей. И поэтому мы призываем все делегации продемонстрировать гибкость и сохранять мобилизованность в плане поиска путей и средств к тому, чтобы достичь консенсуса, ибо для нас нет ничего невозможного. Презентация, которую только что устроил г-н Эванс, подчеркивает, что такой прогресс может быть достигнут. Прежде всего сейчас нам нужна инъекция политической воли. Нам нужно лидерство.

Мы рассчитываем на скорейшее принятие обоих проектов решений. И я заверяю вас в полной поддержке моей делегации в ваших усилиях по продвижению вперед нашей работы.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю представителя Малайзии за его заявление и за добрые слова в адрес Председателя. Как я вижу, слова просит представитель Китая.

Г-н Ли (Китай) (*говорит по-китайски*): Г-жа Председатель, Китай очень рад видеть вас на посту Председателя Конференции по разоружению и будет и впредь конструктивно поддерживать вашу работу, с тем чтобы мы могли как можно скорее достичь консенсуса относительно следующего шага в нашей предметной работе в долгосрочном плане. Моя делегация тщательно выслушала обстоятельное введение г-на Эванса в работу Комиссии и хотела бы, пользуясь случаем, высказать два предварительных замечания.

Во-первых, Китай высоко ценит конструктивную работу, проделанную Комиссией, а также всеми ее экспертами-членами с ее возникновения. Мы отмечаем, что с ее создания весь членский состав Комиссии вовлечен в углубленное, конструктивное и перспективное исследование и дискуссию по многим важным проблемам. И хотя тут пока еще не выдвинуто никаких конкретных программных предложений, исходя из того, что только что поведал г-н Эванс, складывается впечатление, что формируется довольно реалистичный и достижимый план действий. Я надеюсь и верю, что совместными усилиями всего своего членского состава Комиссия окажется в состоянии внести еще больший вклад в процессы международного ядерного разоружения и нераспространения.

Во-вторых, Китай будет твердо поддерживать работу Комиссии и будет и впредь работать с ней конструктивным образом. Как всем известно, Китай последовательно ратует за полное запрещение и всестороннее уничтожение ядерного оружия. В этом смысле позиция Китая и цели и задачи Комиссии полностью совпадают. И вот поэтому мы и хотели бы направить нашего бывшего заместителя министра иностранных дел г-на Ван Инфана для участия в работе Комиссии. Я убежден, что Китай и Комиссия будут и впредь поддерживать конструктивные рабочие отношения и будут совместно работать над продвижением целей и задач Комиссии.

Председатель (*говорит по-английски*): Большое спасибо за ваше заявление. А теперь я хотела бы дать слово представителю Филиппин.

Г-н Доминго (Филиппины) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, я присоединяюсь к нашим уважаемым коллегам в изъявлении нашей радости по поводу того, что вы стоите у штурвала Конференции по разоружению, подтверждая традиционное лидерство Австралии в сфере разоружения и нераспространения. Я также хотел бы присоединиться к нашим коллегам и поблагодарить г-на Эванса за то, что он почтил нас сегодня своим присутствием и своей обзорной презентацией относительно Комиссии. Мы весьма воодушевлены краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными целями, изложенными в планах Комиссии. Поскольку Филиппины являются назначенным Председателем обзорной Конференции 2010 года по ДНЯО, мы весьма рассчитываем на выходящий предметный доклад. Он внесет насущный вклад в нашу работу.

Наша делегация хотела бы просто попросить у г-на Эванса кое-какие разъяснения относительно ключевого членского состава Комиссии. Какие там существуют, если таковые имеются, механизмы для участия, скажем, государств-членов в целом или заинтересованных государств, таких как мы сами, которые могут и не принадлежать к "ключевой группе", но, тем не менее, были бы заинтересованы в рабочем взаимодействии с Комиссией? Кроме того, какие планы, если таковые есть, имеет Комиссия на предмет взаимодействия с нашей работой здесь, в женевском разоруженческом сообществе? Мы также отметили упоминание региональных и субрегиональных консультаций: что касается нашей части света, то тут не было упоминаний о консультациях в Северо-Восточной Азии и Южной Азии. И нам хотелось бы знать, а может быть, в эти консультации будут включены Юго-Восточная Азия и Океания, или же там будет еще один канал для Юго-Восточной Азии и Тихого океана?

Мы бы просто хотели получить какие-то разъяснения по этим вопросам, и опять же мы хотели бы подтвердить нашу самую полную поддержку работы Комиссии. Мы также хотели бы поблагодарить сопредседателя Комиссии, правительство Японии, за его инициативы и планы в отношении Комиссии, и мы рассчитываем на тесное сотрудничество с Комиссией в русле успешного исхода обзорной Конференции по ДНЯО в следующем году.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю представителя Филиппин за его заявление и приглашаю г-на Эванса ответить на вопросы, поднятые ораторами.

Г-н Эванс (Австралия) (*говорит по-английски*): Мы еще не разработали официальный механизм для получения того, что станет нашим заключительным докладом для системы Организации Объединенных Наций или для более широкой многосторонней системы, но мы собираемся посмотреть каждый наличный вариант, включая все очевидные из них, как Первый комитет Генеральной Ассамблеи и т.д., но тут еще надо посмотреть, как это будет работать. Конечно, члены Комиссии с энтузиазмом настроены на то, чтобы найти максимально возможный комплекс официальных каналов, равно как и на неофициальные консультации с целью обеспечить, чтобы наши рекомендации были услышаны и поняты и циркулировали в рамках дебатов. В этом контексте, например, не далее как несколько недель назад я выступал на побочных заседаниях Подготовительного комитета в Нью-Йорке, а члены Комиссии весьма активно действуют в ряде институциональных контекстов. Аналогичным образом, что касается официальных механизмов, то мы продолжаем консультации здесь, с Конференцией по разоружению. Мы не продумывали какого-то формального соглашения на этот счет. Конечно, на протяжении австралийского и, я надеюсь, последую-

ших председательств Комиссия пожелает оставаться в тесном контакте с Конференцией и, хотелось бы надеяться, изыскать другую возможность, вероятно в начале следующего года, чтобы пройти по существу заключительного доклада и посмотреть, как он стыкуется с нынешним этапом дискуссий Конференции.

Что касается других региональных совещаний, то, как мне думается, тот факт, что до сих пор Юго-Восточная Азия ускользала от нашего внимания на предмет регионального совещания, просто говорит о том, что эта часть мира не генерирует так же много тревог, как четыре другие, которые были упомянуты, хотя, разумеется, как и в случае с Латинской Америкой, – с которой мы уже консультировались, – одна из вещей, которые мы стремимся сделать, состоит в том, чтобы поучиться на опыте компоновки зоны, свободной от ядерного оружия. А, разумеется, южнотихоокеанская зона, свободная от ядерного оружия, является еще одним монументом такого рода сотрудничеству, и я уверен, что мы могли бы кое-чему поучиться на этом опыте.

Поэтому я поделюсь с вами кое-какими мыслями на тот счет, что нам нужно, чтобы восполнить эти пробелы, но тезис, высказанный представителем Филиппин вполне принят к сведению, и я ценю общий интерес, проявленный Конференцией к нашей просветительской деятельности. Это гораздо предпочтительнее, чем сказать: "Да, хорошо, большое спасибо, но мы положим это на полку и не будем обращать на это никакого внимания".

Председатель (*говорит по-английски*): Большое спасибо, г-н Эванс. А теперь слово имеет представитель Исламской Республики Иран.

Г-н Хоссейни (Исламская Республика Иран) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, я хотел бы, пользуясь возможностью, поздравить вас с принятием председательства на Конференции. Я также приветствую работу, проделанную вашим предшественником послом Аргентины Моританом.

В русле выступления г-на Эванса я хотел бы высказать кое-какие тезисы. Мы приветствуем всех высокопоставленных лиц из столиц с целью принять участие в работе Конференции по разоружению и поделиться с нами своими взглядами о работе Конференции. Однако я хотел бы уточнить один момент. Мы рассматриваем сегодняшнюю речь г-на Эванса как выражение национального воззрения делегации. Любое участие других субъектов в работе Конференции должно определяться консенсусом. Правила процедуры носят четкий характер на этот счет.

В ходе речи г-на Эванса была сделана некоторая ссылка на мою страну, и я должен сказать, что замечания были не точны и не отражают реальностей на месте. Мы рассчитывали услышать о ядерном разоружении, что является высочайшим приоритетом в работе Конференции по разоружению, и мне думается, что и сам г-н Эванс привел очень хорошие примеры с целью показать, что, пока существует ядерное оружие, оно могло бы быть умышленно или нечаянно применено. Такова реальность. Мы знаем, что есть некоторые страны, обладающие ядерным оружием. Мы знаем, что есть некоторые страны, прикрытые ядерно-оружейным зонтиком, которые прямо или косвенно извлекают выгоду из ядерного оружия на предмет своей безопасности. И вот я и думаю: ну а как Комиссия, о которой поведал нам сегодня г-н Эванс, будет разрешать эту головоломку.

Г-н Эванс (Австралия) (*говорит по-английски*): Я не уверен, что будет вполне справедливо сказать, что что-либо из того, что я говорил сегодня об Исламской Республике Иран, было неточным, поскольку все, что я сказал, было достаточно очевидным тезисом о том, что Иран является страной, вызывающей

пока озабоченность у более широкого международного сообщества, как это очевидно, по причине неразрешенных проблем с резолюциями Совета Безопасности. Это говорит само за себя. Очевидно и то, что возникают озабоченности относительно более долгосрочных намерений Исламской Республики Иран.

Любой, знакомый с моей личной работой над этими проблемами, быть может, знает, что я длительное время доказываю, что нам не следует делать каких-либо допущений относительно решимости Исламской Республики Иран приобрести ядерное оружие. Наоборот, вполне резонно предусматривать переговорный исход по отношению к существующим озабоченностям, который уверил бы более широкое международное сообщество, что на самом деле у Исламской Республики Иран нет намерений приобрести ядерное оружие и что, хотя она, быть может, и довольно-таки настроена на обладание потенциалом для производства расщепляющегося материала, и в настоящее время ДНЯО все же позволяет ей делать это, не следует исходить из того, что из этого будет что-то вытекать. Но приходится признать, что эта проблема все же вызывает озабоченность. Она генерирует немалое беспокойство, и не только на Ближнем Востоке, но и шире в мире, и в этом как раз состоит одна из тех проблем, по которым более широкому международному сообществу хотелось бы, как мне думается, ощущать достаточно более значительную степень комфортности, чем это имеет место в данный момент. Вот что я в каком-то смысле имел в виду, когда я говорил, что эту проблему следует урегулировать в течение ближайших четырех лет таким образом, чтобы каждый чувствовал себя комфортно, в отличие от ситуации в данный момент, когда все еще отмечается, по какой бы то ни было причине, хорошей или плохой, достаточно высокий уровень дискомфорта.

Я надеюсь, что представитель Исламской Республики Иран расценит этот ответ в том духе, в каком это предлагается. Я и сам бывал в Тегеране, и я разговаривал с рядом иранских послов и высокопоставленных должностных лиц, включая г-на Джалили и г-на Лариджани. Я хорошо знаком со всем контингентом, который к этому причастен, и я имел много бесед в Соединенных Штатах и Европе по этой проблеме, пытаюсь убедить всех принять чуть более спокойное и умеренное воззрение в плане урегулирования на этот счет. И я надеюсь, что в свое время эти усилия принесут свои плоды, и я надеюсь, что кое в чем эта тоналность будет отражена в докладе Комиссии, хотя нам еще придется потратить какое-то время, чтобы проработать эту проблему.

Председатель (*говорит по-английски*): Я хотела бы горячо поблагодарить представителя Исламской Республики Иран за его комментарии, а г-на Эванса – за его ответы. Как я вижу, у меня в списке фигурирует посол Сирийской Арабской Республики.

Г-н Хамуи (Сирийская Арабская Республика) (*говорит по-арабски*): Г-жа Председатель, я хотел бы поздравить вас с принятием председательства на Конференции. Мы знаем вас как одного из весьма видных послов, которые на протяжении последних трех лет очень самоотверженно прилагают усилия к тому, чтобы придать импульс работе Конференции. Я хотел бы также поблагодарить всех послов, которые председательствовали на Конференции до вас, и в особенности его превосходительство посла Аргентины, который прилагал неустанные усилия по продвижению работы Конференции. Я также хочу поблагодарить членов его миссии за их ощутимые усилия.

Я также хочу поблагодарить г-на Эванса за его замечания сегодня утром. Я особенно хотел бы приветствовать его среди нас, ибо он является видным международным деятелем. Мы высоко ценим его усилия в Международной ко-

миссии по ядерному нераспространению и разоружению. Мы весьма обнадежены его словами и надеемся, что Комиссия достигнет своей цели в плане ядерного разоружения.

У меня есть два простых вопроса, которые я хочу поставить здесь в отношении предстоящей конференции, которая будет проводиться в Каире и которая будет посвящена ближневосточному региону. Каковы цели этой конференции, и какие государства, ведомства и персоны будут приглашены посетить ее? Второй вопрос касается природы отношений между Комиссией и Международным агентством по атомной энергии. Можем ли мы сказать, что два учреждения дополняют друг друга, или же вы думаете, что они конкурируют между собой?

Г-н Эванс (Австралия) (*говорит по-английски*): Большое вам спасибо за вопрос. Намечаемая в сентябре в Каире конференция в формате круглого стола, как я полагаю, должна собрать 30 – 40 участников со всего региона, как первого, так и второго эшелона: правительства, а также их мозговые тресты и другие исследователи, которые могут внести полезный вклад в наши дискуссии. Будет наверняка приглашена каждая крупная страна региона, и я таки надеюсь, что все они сочтут возможным посетить ее. Мы рассчитываем на довольно небольшие контингенты от каждой страны – быть может, самое большое четыре – пять человек, а то и меньше, но в общей сложности их контингент будет насчитывать, как я уже сказал, не более 30 – 40 человек, так что дискуссия может оказаться свободной и интенсивной.

Что касается уже имеющегося опыта работы в таком формате в Латинской Америке и Северо-Восточной Азии, то там отмечались удивительно продуктивные случаи, когда на столе лежало много проблем и люди чувствовали себя способными высказываться достаточно свободно и обследовать варианты, а не цепляться за позиции страны, и я очень надеюсь, что так оно будет и впредь.

В сущности, Комиссия в этих случаях работает в режиме выслушивания. Мы все еще находимся в процессе формулирования своих взглядов, в полной мере понимая региональную динамику и разные воззрения ключевых игроков, и нам важно осведомиться на этот счет, прежде чем принимать окончательную позицию.

Что касается МАГАТЭ, то я бы вообще не усматривал каких-либо конкурентных отношений между Комиссией и МАГАТЭ. В сущности, членский состав Комиссии весьма склонен поддерживать МАГАТЭ и желает доказать, что его ресурсы следует увеличить, дабы обеспечить, чтобы оно могло на деле в полном объеме и надлежащим образом выполнять работу, которой мы хотим от него по ДНЯО. Возникают вопросы о том, должна ли юрисдикция МАГАТЭ быть шире, чем в данный момент, и в особенности, например, должно ли оно быть мониторинговым агентством или же проверочным агентством в контексте любого договора по расщепляющемуся материалу, который может быть разработан. Как мне думается, Комиссия в данный момент склоняется к тому, чтобы не умножать институты сверх необходимости, да и вообще, если возможно, делать это в рамках существующей структуры и придавать ей из другого источника другую, дополнительную договорную обязанность. Я думаю, что такая позиция вообще импонировала бы нам изначально. Но если есть твердые мнения об обратном, то Комиссия никоим образом не решает эту или любую другую такую проблему и очень заинтересована в том, чтобы услышать такие взгляды. И быть может, подходящим случаем для этого опять же станет региональная конференция.

Председатель (*говорит по-английски*): Большое спасибо и сирийскому послу за его комментарии, и г-ну Эвансу за его ответ.

Есть ли еще какие-либо делегации, которые хотели бы взять слово на этом официальном заседании на данном этапе, прежде чем мы прервем заседание и возобновим его в неофициальном режиме? Как я вижу, нет.

И поэтому через несколько минут мы возобновим работу в рамках неофициального заседания, чтобы продолжить сеанс вопросов и ответов с участием г-на Эванса. А потом после неофициального заседания я вновь созыву официальное пленарное заседание по причине кое-каких административных вопросов.

Официальное пленарное заседание прерывается.

Заседание прерывается в 11 ч. 20 м. и возобновляется в 12 ч. 20 м.

Председатель (*говорит по-английски*): А теперь я возобновляю официальное пленарное заседание.

Задача Австралии, как Председателя, состоит в том, чтобы Конференция как можно лучше востребовала отпущенное нам время в 2009 году. С этой целью я намерена созвать в четверг, 2 июля, в 10 ч. 00 м., официальное пленарное заседание. На этом заседании я хотела бы побудить делегации делать предметные заявления по проблемам, охваченным в нашей программе работы. Это должно помочь сориентировать предстоящие обсуждения в четырех рабочих группах и по проблемам, за которые будут отвечать специальные координаторы, с назначением председателей рабочих групп и специальных координаторов и с согласованием графика деятельности. С этой целью мне хотелось бы надеяться, что члены Конференции окажутся в состоянии принять на заседании в четверг список председателей рабочих групп и специальных координаторов, а также календарь.

Некоторые делегации высказали законные озабоченности по поводу проектов решений в CD/1866 и CD/1867. И я продолжаю консультироваться с делегациями, с тем чтобы уладить эти проблемы. Я сознаю также, что некоторые делегации еще не получили указаний из столиц.

В этом контексте я хотела бы также подчеркнуть, что, как четко изложено в CD/1864 по программе работы, решения о назначении председателей и специальных координаторов и по календарю рассчитаны только на 2009 год. Конференции по разоружению 2010 года нужно будет принять свои решения по программе работы, по вспомогательным органам и по кандидатурам тех, кто будет председательствовать в них, и по календарю деятельности.

Если мы окажемся в состоянии принять решение на этой неделе на оставшуюся часть 2009 года, то делегации будут в состоянии подготовиться в течение июльского перерыва, что позволило бы нам провести предметные обсуждения в августе.

В свете изменившихся обстоятельств, поскольку мой коллега из Аргентины предложил для принятия проект календаря работы, содержащийся в документе CD/1866, сейчас я хотела бы распространить пересмотренный проект календаря. Этот проект документа будет распространен как CD/1866/Rev.1, и он просто учитывает, что на этой неделе мы еще не начали работу в рамках рабочих групп и по линии специальных координаторов. То есть там имеет место одно простое изъятие на первой странице.

Есть ли еще какая-либо делегация, которая хотела взять слово на данном этапе? Как я вижу, нет.

Я хотела бы еще раз поблагодарить всех за их вклад в весьма насыщенные дебаты сегодня утром и сообщить, что следующее официальное пленарное заседание состоится здесь, в зале заседаний, в четверг, 2 июля, в 10 час. 00 мин.

Заседание закрывается в 12 ч. 25 м.